

Э. Бурсье. Основы романского языкознания. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 672 стр.*

Книга покойного бордосского романиста Эдуарда Бурсье (ум. в 1946 г.) «Основы романского языкознания» предлагается теперь читателю в русском переводе вслед за «Исторической фонетикой латинского языка» М. Нидермана¹ и «Исторической морфологией латинского языка» А. Эрну². Все три книги неизменно включаются в список пособий в наших программах по романистике, а так как соответствующих русских руководств пока нет, то имеющийся перевод указанных книг облегчит, конечно, работу советского романиста и, следовательно, вполне оправдан. Другое дело, в какой мере эти книги удовлетворяют нашим требованиям с точки зрения педагогической и лингвистической.

Книга Бурсье хорошо известна нашим романистам с 1910 г., когда появилось первое ее издание, значительно меньшее по объему и больше приближавшееся к типу учебного пособия. С той поры автор, повидимому, все время работал над ней, внося поправки и дополнения, которых требовали развитие науки и его преподавательская практика. Но план книги и изложение ее остались такими, какими они были задуманы более 30 лет назад. Следовательно, в основном, они удовлетворили автора. В предисловии к третьему изданию, которое следовало бы включить в русский перевод, Э. Бурсье вы казал несколько сожалений, которыми он руководился при написании своей книги. Это предисловие в соединении с некоторыми положениями самой книги позволяет понять его намерения и установки, а это крайне важно для того, чтобы правильно оценить его работу.

Содержание книги Бурсье посвящено: 1) характеристике словаря и строя латинского языка классической поры; 2) прослеживанию постепенной дифференциации латинского языка и процесса образования на его основе романских языков; 3) характеристике словаря и строя основных литературных языков современной Романии. Автор ни на минуту не забывает, что работа его — учебное пособие (manuel); отсюда — тщательный отбор материала с точки зрения его показательности, четкая и единообразная его группировка на протяжении всей книги и предельно ясное и простое изложение. Но, имея в виду будущего специалиста, Бурсье сохраняет серьезный научный тон и ставит себе задачей дать сжатый очерк достижений романского языкознания за последние полвека — со времени смерти Дюпа (1876). Под достижениями он разумеет, однако, то, что приемлет его положительный, трезвый и несколько консервативный ум ученого, сложившегося в школе филологов-романистов Г. Парса и П. Мейера и языковедов де Сосюра и А. Мейе. По его собственному признанию, он не считался вовсе с теми «амбидозными и шумливыми теориями», которые претендуют время от времени на полное обновление фонетики, синтаксиса и лексикологии и успех которых недогловечен. Подлинная наука творится медленно, но работает точно. Однако это не значит, что она должна заниматься исключительно мелочами и чуждаться размаха. Бурсье напоминает читателю слова Аристотеля о том, что наука — это стремление к общему. В науке о языке пришло время, думает Бурсье, обратить особое внимание на изучение форм, ибо не составляют ли они в языке, в известном смысле, всего? (стр. X—XI предисл. к 3-му изд.)³.

Таковы мысли и научные симпатии, которые определили тон книги Бурсье. Эти мысли автор хотел бы привить своему читателю. Он считает эту задачу тем более своевременной, что положение романистики как науки и как предмета преподавания во Франции накануне 30-х годов внушало старому университетскому деятелю некоторую тревогу и заставляло с сожалением вспоминать об иных лучших временах. Недостаточный интерес к проблемам романистики и рутинная в руководящих кругах, ориентация на соображения, не имеющие ничего общего с наукой, закулисные влияния, часто неудачный подбор людей на важных участках работы — вот те факты, которые давали в то время Бурсье повод к опасениям, основание для которых, в известной мере, имеется и в настоящее время. Отсюда не следует, однако, смотреть на Бурсье как на панегриста прошлого. Он полон уверенности, что кризис будет изжит, так как во Франции налично ростки здорового движения. В конце предисловия к третьему изданию Бурсье говорит о том, что был бы рад, если бы его труд содействовал дальнейшему развитию

* Русский перевод сделан с 4-го франц. издания (E. Bourciez, *Éléments de linguistique romane*, Paris, 1946) Т. В. и Е. В. Вентцель, под ред., с предисл. и примечаниями Д. Е. Михальчи.

¹ M. Niedermann, *Précis de phonétique historique du latin*, Paris, 1945; рус. перевод — М. Нидерман, *Историческая фонетика латинского языка*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1949.

² A. Ernout, *Morphologie historique du latin*, Paris, 1945; рус. перевод — А. Эрну, *Историческая морфология латинского языка*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950.

³ В дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на параграфы обсуждаемой работы Э. Бурсье.

прогрессивного движения и пробудил интерес к широким постановкам проблем романистики. Все эти высказывания общего порядка очень характерны для Бурсье.

О том, на каких более конкретных теоретических положениях основана его книга, можно судить по ее вступительной части (§§ 1—32), посвященной некоторым общим вопросам языкознания, характер постановки которых в высокой степени показательны для позиции Бурсье как лингвиста. В этой части автор излагает свои взгляды на функционирование речи и процесс ее развития. Все его высказывания проиллюстрированы, правда, только латинским материалом, но это не умаляет их значения для оценки Бурсье как лингвиста. Сущность его утверждений сводится к следующему.

Основная функция речи — передача с помощью звуков мысли говорящего слушающему. Звуки речи тесно связаны со значениями, они — материальное проявление мысли. Анализ языкового материала позволяет установить определенную взаимосвязанность различных сторон языка, рассматривать его как известную систему.

Коммуникативная функция языка предполагает само собой разумеется, тождество языковых систем у говорящего и у слушающего. При общей устойчивости языковой системы изменения ее происходят медленно и постепенно (§§ 23—25), неравномерно в различных сторонах языка, например, фонетика более подвижна, чем синтаксис (§ 31). Основными моментами, управляющими изменениями языка, во всех его аспектах и на всех стадиях развития по мнению Бурсье, являются «экономия усилий» в речи и «подчеркивание того, что необходимо» (§ 32). В области фонетики под воздействием этих моментов происходит стирание и выпадение безударных слогов и усиление гласного ударного слога, являющегося стержнем вокруг которого группируются звуки, воплощающие мысль, в результате чего ударенный гласный может удлиняться, дифтонгизироваться и т. п. В области морфологии те же причины приводят сперва к упрощению системы окончаний, а затем — к полному стиранию их, к возникновению форм, выраженных описательно (англиз). Огромную роль в процессах фонетических и морфологических изменений играет аналогия, так как составные части речевой материи существуют не изолированно, а находятся друг с другом в определенных ассоциациях, формальных и семантических. Аналогия — это та сила, которая нарушает прямолинейность движения в языковом развитии. Она действует отбору слов, т. е. замене старых слов новыми (например *emere* заменяется латинским же *comparare* (на сс. ре Галлии — *accipere*), *bellum* — германским *ueria*, *sol* (рум., итал., исп., португ., беарн) — уменьшительным *soliculus* (в Лаллии, Ретии и т. д.)), перестройке их форм (например *gravis*, перестроившись во французском по типу *levis*, так как эти два полярных прилагательных в нашей памяти ассоциированы, *puppis* превратилось в *pippa*, может быть под влиянием связанного с ним *prora*, *mittere ad patrem* семантически напоминает *dare patri*, откуда *dare ad patrem*, *unus eorum* стояло рядом с *unus de*, *ex us*, что позволяло обобщить последний оборот, *genum dare* где *dare* давало в перфекте *dedi*, подсказало замену *vendidi* формой *vendedi*, *aggredior dicere* вытесняется *aggredior ad dicere*, ибо параллельно существовало *aggredior ad dicendum* и т. д.)

Такова, вкратце, по мнению Бурсье основа всех и всяких изменений, переживаемых языком. Экономия сил и труда является в этих изменениях не самостоятельным началом, а естественным следствием тенденции к «подчеркиванию» (усилению) в мысли нужного. Например, неударенные гласные слова лучше сохраняются и менее стираются в его лексической форме, нежели в потоке связной речи — то же самое происходит с окончаниями падежных или глагольных форм. Однако, например, дифтонгизация гласных, требующая увеличения усилий, может происходить и вопреки принципу экономии сил и труда, причем невозможно определить количественные отношения между этими двумя моментами. Равным образом, если постепенный переход к упрощению падежных форм и замене их многообразных значений выражениями с предлогами как будто сокращал усилия говорящего — то новая роль предлогов требовала увеличения их числа, т. е. делала употребление их более трудным. Паратакис гораздо проще позднейшего подчинения предложений при помощи многочисленных союзов — частью старых, частью новых.

На смену уходящим из речи синонимам появлялись новые, и в значительно большем числе, ибо восприимчивость жизни усложнялась. Объяснение языковых изменений стремлением к «подчеркиванию» мысли, к осуществлению большей выразительности не оправдывается языковым материалом (так, для римлянина древней поры будущее время *faciam* было не менее выразительно, чем *habeo* или *volo facere* для представителя более поздних веков). Решающую роль играет здесь иное содержание мысли, иная ее направленность, неизбежно становящаяся, в конечном счете, отправной точкой дальнейшего усовершенствования языка. Бурсье видит в языковых изменениях главным образом, так сказать, формальную или, лучше сказать, количественную сторону. В области лексики, например, по мнению Бурсье, все движение сводится к расширению или ограничению смысла, новые же слова — результат стремления быть быстро понятым. Не учитывается направленность процессов. В романских языках, например, *focus* вытеснило *ignis*. Почему? А потому, что *focus* «очаг» стало обозначать

содержимое очага, т е огонь. Но почему, при каких условиях подробность эта оказалась решающей настолько, что старое обозначение огня исчезло из обращения? В силу тесных связей между вещами, отвечает Бурсье (§ 29) Но ведь эта сторона *focus* могла восприниматься вследствие давности связи и ранее Почему же такая подробность оказалась решающей при ее выражении? Или почему *soliculus* вытеснило в Галлии старое *sol*, а *coq* — старое *gallus* Ясно, что ответа надо искать анализируя те условия, среду, в которой находились говорящие (принимая во внимание уровень их культуры), в отношении среды к окружающему миру, в ее истории

В цитированном выше § 29 Бурсье говорит о зависимости лексики от различных политических и социальных условий, скажем коротко — от истории пользующегося ею народа, но он тут же замечает, что «внешние условия не могут служить основой для классификации явления, которые с психологической, а следовательно, и с лингвистической точки зрения должны делиться именно на указанные выше категории», т е слова с расширенным либо ограниченным или облагороженным либо деградированным значением Но если в силу медленного темпа развития языка языковые явления нельзя распределить по «внешним условиям», если языковые формы данной эпохи могут обслуживать и другую эпоху, то это не значит еще, что при изучении изменений языка условия этих не следует учитывать Одной своей стороной язык может реагировать на них быстрее, другой — медленнее, но в целом он, конечно, связан с историей того общества, материальным выражением мысли и чувств которого он является Периоды истории языка в целом и в частности будут, конечно, отличаться от периодов истории того народа, который на нем говорит и его творит, но это ни в коей мере не устраняет исторической обусловленности происходящих в языке изменений

После сказанного становится понятным содержание и построение тех частей книги Бурсье, которые обращены непосредственно к истории языка Вторая часть ее посвящена первоначальному романскому периоду Она открывается глаголом «Новые исторические условия» (§§ 137—149), и это вполне естественно Однако читатель тщетно будет искать в ней чего нибудь большего чем краткие справки чисто внешнего характера Содержание ее сводится, с одной стороны, к констатации упадка классической культуры, в силу которого «народная речь» стала свободно распространяться во всех слоях общества, так как школа перестала служить этому противовесом, а с другой стороны — к сообщению кратких сведений о вторжении германцев о передвижении славян и арабов, нарушивших связи между отдельными частями Романии и сильно изменивших состав ее населения В заключение дается краткая характеристика феодализма, довершившего процесс дробления внутри каждой отдельной части Романии.

В языковом отношении происходил процесс перестройки старого языка, проникновение в него инородных элементов и черт и все увеличивавшееся образование местных разновидностей внутри отдельных романских языков Перед читателем проходит длинная вереница фактов из области словаря, фонетики, морфологии и синтаксиса, хорошо подобранных и систематизированных во всех рассмотренных языках по одному плану Но при всем этом автор не дает никаких разъяснений общей направленности в перестройке языка, условия перехода к аналитическому строю, характера новшеств в лексике и т п, не вскрывает их связей с историей общества и культуры Он предпочитает оставаться в пределах изучения самого языка, но, оставаясь в этих пределах, минует такие существенные вопросы, как вопрос о языковом субстрате, о взаимоотношении отступающего и наступающего языков ограничиваясь, например в связи с образованием *u* < *i* коротким замечанием о возможности в данном случае «этнического влияния» (§ 157) Переход этот он считает поздним и относит его ко времени после VIII в, ссылаясь на отсутствие *u* в каталанском языке, который около этой поры обособился от провансальского А между тем провинковение *u* из более северных областей на юг могло произойти и позднее и в ограниченных пределах ссылая же на каталанский язык предполагает признание его исконного единства с провансальским — польские, которое далеко не является, как известно общепринятым

Посвящая первую часть своей книги латинскому языку, Бурсье ограничивается тем, что характеризует строй и состав классического языка в его статическом состоянии (§ 4), почему он очень бегло говорит о нелатинских и неклассических его чертах и элементах, минуя, таким образом по существу вопросы, связанные с историей языка (ср §§ 41—42) Таковы замечания Бурсье о так называемой («вульгарной латыни») которую он склонен отождествлять с языком народа, хотя даже приводимые им примеры из Цицерона и Квинтиана говорят в пользу термина «обиходная» латынь (нем Umgangssprache)⁴ Но вопрос здесь не столько о термине, сколько о строе и словарном составе обиходного аспекта языка Рассмотрение этого вопроса должно было неизбежно вовлечь автора в круг тем, поднятых в свое время в целом ряде работ XX в

⁴ Отметим, что в них она правильно называется не «lingua», а «sermo» (vulgaris, cotidianus, rusticus)

Ж Моля, Г Ф Мюллера, Дж Девото, К Баттисти⁵, автор имел возможность использовать материалы, представленные в работах таких исследователей, как Э Левстед, Э Диль, Ф Слотти, И Б Гофманн, В Ванчнен и К Гецке⁶. Однако мы тщетно будем искать у Бурсье рассмотрения общих вопросов, возникающих в связи с названными работами, фактическими данными которых он, как это показывают ссылки, в известной мере пользовался.

К числу трудных и до сих пор в какой-то степени спорных вопросов романистики относится и вопрос о происхождении придунайского романского населения Юго-Восточной Европы и его языка В §§ 13—14 Бурсье становится, повидимому на сторону гипотезы о проникновении этого населения на север от Дуная с юга, где оно сосредотачивалось некогда «в основном» и не склонен допускать полного оставления провинции Дакия ее населением во второй половине III в н э, хотя о дискуссионном характере этого вопроса автор также не дает никакой справки. Тем более мы не найдем у него разъяснений по вопросу о самостоятельности молдавской народности и ее языка, поднятому русскими и советскими историками и филологами⁷. Как известно, последние считают допустимым сосуществование с давнего времени романизованного населения на землях будущей Молдавии со славянами, они находят имена представителей этого русско-романского населения в эпоху Олега и Игоря (X в) и считают исторической ошибкой буржуазной историографии отождествление молдаван с румынами⁸. Как большой недостаток книги Бурсье, это отмечено и в предисловии к ее русскому переводу (стр. VII).

К числу аналогичных спорных вопросов относится и вопрос о Сардинии и Галисии, языки которых некоторые исследователи рассматривают как самостоятельные единицы, Бурсье же считает первый язык диалектом итальянским (§ 399), второй — испанского языка (§ 330), не обосновывая своей позиции в данном вопросе.

Цитатный материал принят автором в расчет в очень скромных размерах. Исключение составляет глава о старофранцузском и провинциальском языках. Такое свое отношение к данным диалектам Бурсье, которому мы обязаны ценными исследованиями по гасконскому наречию, объясняет тем, что время для углубленного изучения диалектов еще не пришло и эта задача должна стать предметом особых руководств. Но главное его соображение — боязнь, чтобы общие подробности не заслонили общего, основных очертаний картины, дать которую он поставил своей целью (стр. IX—X предисл. к 3-му изд.)

⁵ См G Mohl, Introduction à la chronologie du latin vulgaire, Paris, 1899, H F Muller, A chronology of vulgar latin, Halle, 1929, G Devoto, Storia della lingua di Roma, Bologna, 1940, C Battisti, La crisi del latino, parte I, Firenze, 1946.

⁶ E Lofstedt, Beiträge zur Kenntnis der späteren Latinität Stockholm, 1907 и Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae, Uppsala 1911. E Diehl, Vulgarlateinische Inschriften, Bonn, 1910, Fr Slotty, Vulgarlateinisches Übungsbuch, Bonn 1917, J B Hofmann, Lateinische Umgangssprache, Heidelberg, 1936, V Vaananen, Le latin vulgaire des inscriptions romaines, Helsinki, 1937, G Götze, Corpus glossariorum latinorum, Leipzig, 1888—1901.

⁷ Вопросы о принадлежности романского элемента на восток от Траяновой Дакии касались за рубежом Г Вейганд (G Weigand, Ursprung der s dkarpathischen Flussnamen in Rumänien, «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig», XXVI—XXIX, Leipzig, 1921, стр. 83—94) и Барбулеску (I Barbuлеску, Inceputurile scrierii cirtice în Dacia Traiana «Arhiva, organul societății științifice și literare din Iași», Iași, 1922, стр. 161—19.) М Штефанеску (M Ștefanescu, Cuvinte gradiste și Horodiste în toponimica românească, «Arhiva», 1921, стр. 16—80, Elemente rusești în toponimica românească, там же, 1921, стр. 218—228, Alte cuvinte rusești de nuanta ruteana în toponimica românească, там же, 1922, стр. 64—75, 372—384. Toponimica românești cu terminațiune dăți, там же, 1922, стр. 499—514. Rusismele-rutenismele din toponimica românească, там же, 1924, стр. 199—206). Указанные авторы считали, что романского населения в Молдавии в XII в еще не было. Вышедшая в Москве в 1906 г в русском переводе «История Румынии» под ред М Ротлера («Istoria României» red M Roller, București, 1943) относит славяно-романские связи на территории Траяновой Дакии к более отдаленным временам. Мелкие славяно-романские ячейки, воеводства существовали уже в половине XII в. Вторжение татар задержало продвижение предков молдаван на восток. Оно возобновилось и усилилось с ослаблением татар (стр. 51—61, 68—70 рус. перевода).

⁸ Последняя формулировка доводов по этому вопросу дана в «Истории Молдавии», т I (Кишинев, «Школа советика», 1951, стр. 55—70, 73—81). См также М В Сергиевский, Топонимика Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории («Известия АН СССР Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 4, стр. 333—350), там же указана и литература вопроса.

*

Таковы характерные особенности работы Бурсье, занимающей особое место среди довольно многочисленных книг пропедевтического типа. За рубежом работы подобного рода имеют иногда заглавие «Введение в филологию», причем термин «филология» употребляется в таком случае часто не как старинный синоним «языкознания», а в его широком значении, и пользующиеся этим термином делают это сознательно, стремясь подчеркнуть важность филологического подхода при изучении явлений как историко-литературного, так и историко-лингвистического порядка. Один из современных романистов Э. Р. Курциус не без сожаления констатирует отрицательные результаты резкого разобщения (особенно после 1917 г.) литературоведения, филологии и языкознания «следствием (этой тенденции — В Ш) было то, что языкознание пошло своей дорогой, что филология оскудела и окостенела, что литературоведение оторвалось от того и другого и во многих случаях поступило в распоряжение проблематической „истории идей“» (или «духа», *Geistesgeschichte*)⁹. В плане аналогичных соображений один из последователей Фосслера А. Хаффельд в своей статье «Новые задачи романской филологии» к числу этих задач относит в первую очередь стилистику, связанную с литературоведением, и лингвистическую географию¹⁰. Как введение в «филологию» задуман и недавно вышедшая и интересно написанная книга Э. Ауэрбаха «Введение в изучение романской филологии»¹¹, большая часть которой посвящена Франции и ее идейному развитию и в которой другим романским странам и другим сторонам «филологии» уделено значительно меньше места и внимания. Неючет этот восполняется в известной мере данным в книге полезным «библиографическим справочником» (*Guide bibliographique*).

Если от «введенной в филологию» обратиться к пропедевтическим работам по романскому «языкознанию», то их можно разбить на несколько групп в зависимости от широты охваченного ими материала и характера его трактовки. «Введение в изучение романского языкознания» В. Мейера Любке¹² охватывает все основные разделы романской лингвистики, но доступно оно, в сущности, только подготовленному читателю, являясь не столько «Einführung», сколько «Einführung», т. е. не столько вводом в данную науку, сколько подводя итоги сделанному по важнейшим проблемам. Заглавие книги К. Эттмайера «Спутник изучающего романскую филологию»¹³ также не отвечает ее содержанию, так как тематик ее и характер трактовки автором вопросов субъективны, а изложение не достаточно просто. Работа В. Варбург «Взаимосвязь описательного и исторического языкознания»¹⁴ ограничивается вопросом плодотворности сочетания обоих методов при исследовании языкового материала, а потому необходимости их объединения. На ряде романских примеров демонстрирует тот же автор в своей работе «Введение в проблематику и методику языкознания»¹⁵ основные проблемы и методы лингвистического исследования при условии применения к анализу лингвистической исторической, социологической и философско-языковедческой точек зрения. В своем «Введении в изучение романских языков» Йоргу Йордану¹⁶ характеризует основные направления в романском языкознании за последние десятилетия и их представителей, его труд является интересным и полезным вкладом в историю романского языкознания, которому в наших программах отводится значительное место. Проблеме связи языка и истории народа посвящены статья В. Варбурга «Образование романских языковых территорий» и его же книга «Возникновение романских народов»¹⁷,

⁹ E. R. Curtius, Über die altfranzösische Epik «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd. 64, Heft 3—5, Halle (Saale), стр. 246

¹⁰ A. Hatzfeld, Neue Aufgaben der romanischen Philologie, «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung», Bd VIII, Heft 5, Leipzig — Berlin, 1932, стр. 432—447.

¹¹ E. Auerbach, Introduction aux études de philologie romane, Frankfurt, 1949

¹² W. Meyer Lubke, Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft, 3-e Aufl. Heidelberg, 1920 и особенно ее испанский перевод Амарио Кастро с дополнениями автора и переводчика (Introducción a la lingüística románica, Madrid 1926)

¹³ K. Ettmayer, Vademecum für Studierende der romanischen Philologie, Heidelberg, 1919

¹⁴ W. Wartburg, Das Inneandergreifen von descriptiver und historischer Sprachwissenschaft, Leipzig, Sixts Akademie der Wissenschaften, 1931

¹⁵ W. Wartburg, Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft, Halle, 1943

¹⁶ J. Jordan, Introducere în studiul limbilor romanice, Jasi, 1932 (англ. перевод — An Introduction to romance linguistics, London, 1937)

¹⁷ W. Wartburg, Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume, «Zeitschrift für romanische Philologie», Bd 56, Heft 1, Halle (Saale), 1936, стр. 1—48, его же, Die Entstehung der romanischen Völker, Halle (Saale), 1939

в которой автор дает картину разложения Римской империи и образования новых языков на базе дифференцировавшихся римских провинций, переоценивая в этом процессе, однако, роль германского элемента. Аналогичная тема разработана Гарри Мейером в его книге «Возникновение романских языков и наций»¹⁸, где материал по областям Романии разработан менее равномерно, нежели у Вартбурга, но где в отношении субстрата и роли германского начала в образовании романских языков проявлено больше критики и осторожности.

Ни одна из упомянутых зарубежных работ не отвечает полностью нашим программам ни по материалу, ни методологически. Не отвечает им и книга Бурсье, как это видно из сделанных по поводу ее выше замечаний. И тем не менее она по своим положительным качествам даст нашему читателю в целом, пожалуй, больше других подобных книг. Главные недочеты исследования Бурсье: поверхностное отношение к вопросу о связи языка с историей народа, к спорным проблемам романистики и ограниченное использование диалектальных данных — ее отнюдь не обесценивают.

В книге много фактического материала, тщательно подобранного и хорошо систематизированного, а потому как руководство она доступна и удобна. Формы поздней и вульгарной латыни всегда подкреплены ссылками на литературные памятники или документы, на варварские «Правды», на глоссарии и грамматики. Изложение «Основ» отделяется простотой и отчетливостью. Книга является несомненно хорошим учебным пособием по «внутренней» истории романских языков, пользование которым значительно облегчает обстоятельный предметный указатель. Если главы о румынском и рето-романском языках менее обстоятельны, то это объясняется не столько меньшей ориентированностью в них автора, сколько самим состоянием разработки материала. Указатель научной литературы в конце книги и ссылки на важнейшие работы по более специальным вопросам в ее тексте хорошо ориентируют читателя в библиографии.

В. Ф. Шимарева

Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. 1—2. [Сборники статей.] («Ученые записки Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова», № 156 и 161. Серия филол. наук, выпуски 15 и 18.) — Л., Изд-во ун-та, 1952. 363 и 240 стр.

Двухтомный лингвистический сборник филологического факультета Ленинградского университета — первый коллективный отклик факультета на труды И. В. Сталина по вопросам языкознания — воспринимается читателем как своего рода смотра лингвистической работы факультета за последние годы, ознаменовавшиеся творческой перестройкой всего советского языкознания. Сборник насчитывает свыше 600 стр. текста, в нем приняли участие 29 авторов — работников факультета, представивших статьи почти по всем языкам, являющимся предметом преподавания на факультете: русскому, другим славянским языкам (польскому, болгарскому), языкам классическим (греческому, латинскому), германским (немецкому, английскому, скандинавским), романским (французскому, испанскому, итальянскому). В соответствии с широким заглавием, охватывающим в принципе все основные вопросы изучения языка («сущность его специфики»), в сборнике представлены статьи по сравнительному языкознанию, по вопросам морфологии и синтаксиса отдельных языков (вып. 1), по лексикологии, истории литературного языка и стилистике (вып. 2).

Сборник несомненно свидетельствует о богатстве и разнообразии творческих возможностей факультета, о высоком уровне специального научного исследования (в большинстве статей не вызывающем сомнения) и прежде всего о плодотворном влиянии марксистского учения о языке, сказавшемся и на новой постановке ряда узко специальных вопросов. Однако в то же время сборник производит впечатление большой пестроты и несобранности; многие специальные темы носят случайный характер; отсутствуют большие стержневые теоретические проблемы, которые могли бы объединить вокруг себя авторский коллектив и разрабатываться одновременно на материале нескольких языков. Работы по общему языкознанию представлены в сборнике только одной — первой — статьей, что особенно удивительно, если принять во внимание чрезвычайную актуальность для нас этих вопросов в настоящее время.

Конечно, нельзя возражать против законной необходимости печатать в ученых записках и трудах факультетов исследования и статьи на специальные темы, главы из защищенных и подготавливаемых к защите диссертаций и т. п., притом в объеме, не

¹⁸ Н. Мейер, Die Entstehung der romanischen Sprachen und Nationen, Frankfurt a. M., 1941.